

АЛЕКСЕЙ КОРНЕЛЮК

Редактор чужжих судеб

роман

жизнь р
переписать
не. кто-то
вычеркнет
тебя.

она не люби
правды. Но
писала их
вычёркива
словам не
знаю, кто
но знаю
когда
стира
чело
нов
а

правка, и вк. н
ть. Но кажда. вол
кой-то цен
66. 66011

18+

Лекарства для души

Алексей Корнелюк
Редактор чужих судеб

«Автор»

2026

Корнелюк А.

Редактор чужих судеб / А. Корнелюк — «Автор»,
2026 — (Лекарства для души)

После смерти Веры Самойловой, легендарной редакторши маленького издательства, Илья Ладогин получает задание разобрать её архив. Среди пыльных рукописей и авторских экземпляров он находит коробку с семью книгами, которые Вера так и не передала адресатам. В каждой — спрятанная правда: письмо, признание, фотография, вырезанная страница, чужая вина, чужое спасение, чужая сломанная жизнь. Вера всю жизнь правила тексты. Но однажды решила, что имеет право править и судьбы людей: задерживать письма, прятать признания, спасать одних от боли и лишать других выбора. Разбирая семь историй, Илья всё глубже понимает: мёртвая женщина оставила после себя не архив, а минное поле. Последняя книга оказывается связана с его собственной семьёй — и доказывает, что иногда чужое молчание становится твоей биографией.

© Корнелюк А., 2026

© Автор, 2026

Алексей Корнелюк

Редактор чужих судеб

Редактор чужих судеб

В квартире умершей Веры Самойловой пахло так, будто здесь не человек кончился, а целая библиотека решила тихо сгнить изнутри. Не трагически, не красиво, не как в фильмах, где на подоконнике стоит чашка с недопитым чаем и занавеска шевелится от последнего вздоха. Тут всё было проще и хуже: пыль, старые лекарства, кошачий корм без кошки, бумага, давно переставшая быть бумагой и начавшая быть кожей чужой жизни. Илья Ладогин стоял в прихожей, держал в одной руке чёрную папку для описи, в другой — пакет с бахилами, и думал, что смерть всегда устраивает после себя бардак, а люди почему-то продолжают называть это памятью.

Ключ ему выдала женщина из юридической конторы. Молодая, тугая, с лицом человека, который ещё верит в электронный документооборот и в то, что чужие наследства можно разложить по папкам. Она сказала: «Там аккуратно». Илья чуть не рассмеялся, но сдержался, потому что смеяться при таких женщинах было всё равно что курить в нотариате: вроде не преступление, но тебя сразу записывали в моральные бомжи. Аккуратно у покойников не бывает. Бывает только отложенный хаос. Чем дольше человек жил, тем наглее хаос. Вера Самойлова прожила восемьдесят один год и, судя по квартире, все эти годы складывала вокруг себя бумажные баррикады на случай, если за ней придут живые.

Прихожая была узкая, как горло у человека, который собирается сказать правду и передумал. Слева висело пальто. Не парадное, не старушечье, а тяжёлое тёмное пальто с мужским воротником, будто Вера Самойлова в последние годы одевалась не для улицы, а для внутренней эмиграции. На полке стояли три пары обуви: старые ботинки, мягкие тапки и лакированные туфли, в которых, наверное, её когда-то хоронили бы на людях, если бы не здравый смысл и не крематорий. На стене возле зеркала висела записка: «Не забыть позвонить М.» Буква была выведена резко, почти зло, как ножом по маслу. Илья посмотрел на неё и по привычке подумал: личное — в отдельную коробку, письма — в архив, бытовое — наследникам, мусор — на вывоз. Так он и жил последние семь лет: делил чужие смерти на категории.

Он был оценщиком книжных архивов. Звучало это прилично, почти интеллектуально, если произносить в хорошей рубашке и не объяснять подробностей. На деле он приезжал в квартиры после умерших профессоров, редакторов, переводчиков, коллекционеров и прочих людей, которые при жизни верили, что их книги кому-то нужны, а после смерти выяснялось, что нужны три прижизненных издания, две подписные дарственные и, возможно, письма, если автор был достаточно мёртв и достаточно знаменит. Всё остальное уходило в коробки, на склад, в букинистические подвалы, на дачи, в мусорные контейнеры, а иногда к племянникам, которые спрашивали: «А это реально можно продать?» Илья отвечал: «Реально можно всё. Вопрос — за сколько и кому потом будет стыдно».

Ему было тридцать восемь, но в зеркале Веры Самойловой он выглядел старше: не из-за морщин, а из-за выражения лица. У него было лицо человека, который давно перестал удивляться, но всё ещё почему-то ездит по адресам. Тёмные волосы, щетина, глаза после трёх кофе и одного плохого сна. Нос чуть кривоватый — подарок детства и подъездной драки, о которой он помнил только мокрый снег, железный привкус и мать, которая сказала не «кто тебя ударил?», а «зачем ты туда полез?». С тех пор Илья не лез. Почти никогда. Он научился быть полезным на безопасном расстоянии: оценить, описать, упаковать, передать. Не задавать лишних вопросов. Не касаться того, что не включено в договор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.